

вышли. А в то церкве у того наказания и пенья был сам курфюрст и его кнеиня и курфюрстова мат вдова кнеиня Анна Саксенская и со всеми шляхотными женским цолом. Тут же в церкви был арцух Карл Фредерих Мунстербергский начальной шлеизенской посол и иные шлеизинские посланные и арцуха Мунстербергскаго думные и приказные люди и стол много шляхотных и всяких людей было, что было невозможно всем людям в церкви устави́ться. И выпед ис церкви всякой к себе пошел <...>, а курфюрст Саксенский <...> ными своими <...> а его курфюрсто(ва) милость особно один сидел за столом в шлате отлас черной выстеган золотом и имел у себя рашиер позлаченный, подале от курфюрста по левой стороне курфюрста гораздо подале место уготовано было и тут сел арцух Карл Мунстербергский и с ним сели иные шлеизенские посланники, а было их пятеро».⁹

Можно привести множество примеров того, как самые разнообразные сведения переводных «вестовых писем» оказались использованными анонимными авторами русских повествовательных сочинений первых десятилетий XVIII в. Рассказы о военных действиях, о быте «мальтийских кавалеров» (в «Истории о российском кавалере Александре»), о придворных обычаях двора «аглинского» короля (в «Истории о некоем шляхецком сыне»), вероятно всего, имеют своим источником известия рукописных курантов.

Петровские «Ведомости», печатание которых началось, как известно, с 1702 г., продолжили традицию рукописных курантов XVII в. Но в «Ведомостях» начала XVIII в. большее место заняли известия естественнонаучного характера (отвечавшие потребностям своего времени), и значительно меньше внимания было уделено описаниям придворного быта западноевропейских дворов. Поэтому можно думать, что авторы русских повестей первых десятилетий XVIII в. в описании иноземных придворных церемоний и обычаев черпали материал из переводных рукописных курантов XVII в. Несмотря на то что куранты существовали в ограниченном количестве, они все же были достаточно распространены. В сборниках XVII—XVIII вв. сохранились списки известий, почерпнутых из курантов.¹⁰ Отдельные листы попадали и в руки простых людей. Об этом свидетельствуют материалы одного из судебных дел 1642—1643 гг. Так, например, при обыске в сених и в избе, произведенном у стрельчихи Катеринки Андреевой дочери, в «коробке» нашли «письмо» с вестями.¹¹ Кроме того, можно думать, что к созданию повестей могли быть причастны лица, связанные с Посольским приказом или Разрядной канце-

⁹ Вести-куранты, с. 51.

¹⁰ См.: Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков. Библиографические материалы. СПб., 1903, с. 246—247.

¹¹ Московская деловая и бытовая письменность XVII века. Издание подготовили С. И. Котков, А. С. Орешников, И. С. Филиппова. М., 1968, с. 271—272.